

Чэн Фэнтай протянул руку и погладил живот Шан Сижуй:

— Ну да, пустой.

Затем его пальцы поползли ещё ниже. Шан Сижуй прикрыл промежность и, перевернувшись, воскликнул:

— Ай, ты что делаешь!

Чэн Фэнтай усмехнулся:

— Утром это ты меня толкал, верно? Я хочу его проучить.

С этими словами он начал щекотать Шан Сижую внизу. Тот, уворачиваясь, смеялся и кричал:

— Нет, нет, нет! Это не он, правда не он! Ой! Отпусти!

Он не смог вырваться из цепких лап Чэн Фэнтая, и в глубине души даже испытывал нечто вроде смутного удовольствия. Сяо Лай, услышав его крики, забеспокоилась и, недолго думая, втолкнула в комнату старину Гэ.

Тот, пошатнувшись, вошёл, не глядя по сторонам, поставил на стол принесённые вещи и сказал:

— Второй господин, не торопитесь. Я подожду снаружи.

Затем развернулся на сто восемьдесят градусов и вышел большими шагами. Не зря Чэн Фэнтай всегда брал его с собой — он действительно был смышлёным и тактичным.

Старина Гэ принёс рубашку, галстук, трость и крем для лица Чэн Фэнтая. Тот неспешно оделся, умылся и привёл себя в порядок, став блестящим и благоухающим. Шан Сижуй, наблюдая за его манерами, подумал, что он настоящий щёголь, достойный насмешки. Сам Шан Сижуй, игравший на сцене женские роли, в обычной жизни был непритязателен: носил один и тот же чаншань уже три года, а на голове и лице никогда не использовал масла.

Чэн Фэнтай, разглядывая себя в зеркало, заметил:

— Ты думаешь, я сложный? Мой шурин ещё хуже! Он использует только французское масло для волос, а потом чихает.

Шан Сижуй кивнул:

— Вы, молодые господа, все такие — заботитесь о себе, как дамы, а ещё смеетесь над актёрами, играющими женские роли.

Чэн Фэнтай усмехнулся:

— Намазать лицо кремом — это не значит быть дамой.

Он потянул Шан Сижую к себе, и тот, не ожидая такого, оказался у него на коленях.

— А вот сидеть на коленях — это другое дело.

Шан Сижуй, смеясь, выбрал его, и они ещё немного повозились. Чэн Фэнтай заметил, что после прошлой ночи стал чувствовать себя с Шан Сижуюем гораздо свободнее. Раньше он не осмелился бы шутить так, боясь, что тот рассердится. Не зря говорят, что близость на одной подушке сближает — даже если ничего не происходит, просто лежать под одним одеялом и разговаривать, и чувства стремительно укрепляются.

В полдень Сяо Лай приготовила суп с овощами и клёцками и тушёную свинину с луком и редькой. Чэн Фэнтай, конечно, не стал бы есть такое, взял трость, обнял Шан Сижую за плечи и сказал:

— Пойдём! Пообедаем где-нибудь! Куда скажешь?

Шан Сижуй, позволив себя увести, даже не взглянул на еду:

— Давай на Тяньцяо! Я угощу тебя жареной лапшой!

Он обернулся и крикнул:

— Сяо Лай! В пять вечера я сразу отправлюсь в театр, жди меня там.

Чэн Фэнтай, вспомнив о вежливости, тоже обернулся и с улыбкой сказал:

— Ах, Сяо Лай! Спасибо за угощение, я прощаюсь.

Сяо Лай была вне себя от досады.

Чэн Фэнтай, одетый в костюм и галстук, готовился прогуляться по Тяньцяо. Шан Сижуй считал, что такой наряд здесь неуместен — слишком броский и привлекающий внимание, не вписывающийся в атмосферу района, но промолчал. Он даже не мог представить Чэн Фэнтая в простой одежде. Чэн Фэнтай велел старине Гэ оставить машину в переулке на востоке, и они с Шан Сижуюем пошли пешком. Не пройдя и десятка шагов, Шан Сижуй внезапно выхватил трость у Чэн Фэнтая и ударил прохожего по руке.

Чэн Фэнтай вскрикнул:

— Шан Сижуй!

Не понимая, что случилось.

Шан Сижуй ловко размахнулся тростью, ударил того же человека по спине и повалил на землю. Однако тот, вместо того чтобы ругаться, вскочил и бросился бежать, что выглядело весьма подозрительно.

Шан Сижуй рассердился:

— Ты ещё убегаешь!

И, догнав, нанёс ещё несколько ударов, целясь в мягкие места на запястьях, заставив вора кричать от боли.

— Ой! Господин! Хватит! Хватит!

Шан Сижуй ткнул его тростью:

— Ну-ка, отдавай кошелёк!

Тот, решив, что его ограбили, тут же протянул свой кошелёк.

Шан Сижуй, разозлившись, ткнул его в лоб:

— Мне нужен тот, что ты украл!

Даже после таких слов Чэн Фэнтай не понимал, в чём дело, пока вор не вытащил из рукава его тонкую кожаную чековую книжку. Чэн Фэнтай проверил карман и восхищённо произнёс:

— Ого, настоящий вор!

Шан Сижуй, всё ещё не успокоившись, ещё пару раз ударил вора, а окружающие, одобряя его действия, аплодировали. Это был первый раз, когда Шан Сижуй получил признание вне сцены, и, почувствовав себя героем, он снова ударил вора, доведя того до слёз.

Шан Сижуй сердито сказал:

— Если бы не спешил пообедать, я бы отвёл тебя в полицию! Второй господин, пошли!

Видимо, для него обед был важнее, чем восстановление справедливости.

Они продолжили путь к лапшичной «Ху», и Чэн Фэнтай, следуя за Шан Сижуюем, смотрел на него с удивлением, бормоча что-то себе под нос. Шан Сижуй, обернувшись, вернул ему трость:

— Что случилось, второй господин?

Чэн Фэнтай не взял её, улыбнувшись:

— Для меня это просто аксессуар. А для тебя, Шан Сижуй, это оружие, так что оставь себе.

Шан Сижуй, с глуповатой улыбкой, начал размахивать тростью, заставляя прохожих отскакивать в стороны.

— У тебя есть навыки боя?

Шан Сижуй ответил:

— Я сначала учился на амплу воина. Немного владею приёмами.

— Твои движения выглядят серьёзно, не как просто трюки, ты заставил того парня кричать!

— Это боевой шест семьи Шан. На сцене выглядит эффектно, а в реальной жизни тоже может пригодиться. Хотя это и не настоящее мастерство, но для таких мелких воров достаточно.

Чэн Фэнтай сказал:

— Когда ты в женском наряде, выглядишь как юная девушка, и я думал, что ты очень нежный. Иначе в тот раз в ресторане я бы не стал за тебя заступаться.

Шан Сижуй посмотрел на него:

— А! Ты жалеешь?

Чэн Фэнтай, глядя в его тёмные глаза, растерянно ответил:

— Как я могу жалеть? Даже если бы мне сломали кости, я бы не пожалел.

Шан Сижуй засмеялся от радости.

Во всём Бэйпине лапша в лапшичной «Ху» считалась лучшей. Здесь было много начинки, лапша была упругой, а соус для тушёных овощей — семейным секретом. Шан Сижуй приходил сюда каждые несколько дней, и, если не удавалось поесть, чувствовал себя не в своей тарелке, будто у него была зависимость. Из-за его частых визитов работники и постоянные посетители знали его, понимали, что он мягкий и застенчивый, и любили подшучивать над ним, что его немного раздражало.

Шан Сижуй вошёл в заведение и, не дожидаясь, пока официант что-то скажет, сунул ему в руку несколько монет, затем повернулся к Чэн Фэнтаю:

— Что будешь есть, второй господин?

Чэн Фэнтай ответил:

— Как скажешь.

Шан Сижуй тихо произнёс:

— Две порции жареной лапши по три ляна, две порции супа хула, остальное как обычно, и добавьте два чайных яйца.

Под «остальным» подразумевалась тарелка говядины в соусе, тарелка свиного рулета, два чайных яйца, блюдо острого бамбука и горшок тушёного мяса. В прошлый раз, когда Шан Сижуй был здесь, он, ещё не будучи близок с Чэн Фэнтаем, не решался заказать много. Теперь всё было иначе. Чэн Фэнтай, слушая, как официант перечисляет блюда, и глядя на стройную фигуру Шан Сижую, подумал, что этого актёра будет сложно содержать — в обычной семье его аппетиты могли бы разорить.

Официант записал всё, а Шан Сижуй, закончив заказ, схватил его за руку и строго предупредил:

— Остальные два мао оставь себе, не кричи!

Официант, испуганно кивнув, обернулся и громко прокричал:

— Обычный набор на стол! Добавить лапшу, суп хула и два чайных яйца! Шан Сижуй дал два мао...

Шан Сижуй резко прервал его:

— Молчи! Я же только что сказал!

Официант тут же поправился:

— А?.. О! Шан Сижуй дал два мао и запретил кричать!

Этот крик привлёк больше внимания, чем любое объявление, и посетители подняли головы, чтобы посмотреть на них. Те, кто знал Шан Сижую, поздоровались:

— О! Шан Сижуй пришёл!

— Господин Шан, выглядишь отлично! Поправился!

— Шан Сижуй! Какие новые пьесы готовишь?

Шан Сижуй, разозлившись, сердито посмотрел на официанта, думая, что сегодня опять не получится спокойно поесть. «Ты что, специально?»

Официант, смутившись, убежал. Чэн Фэнтай рассмеялся.

<http://bllate.org/book/15435/1368581>